

1

МАЛИА, 1995. ХОНОКАА

Стоит мне только закрыть глаза, мы все по-прежнему живы, и ясно, чего боги хотят от нас. Миф, который о нас рассказывают, наверное, начинается с того прозрачного голубого дня в Коне и с акул, но я-то знаю, как все было на самом деле. Мы начались раньше. Ты начался раньше. Гавайское королевство давным-давно уничтожили, дышащие дождевые леса и поющие зеленые рифы пали под ударами *хоуле**, от кулаков их морских курортов и небоскребов, — тогда-то земля и бросила клич. Теперь я это понимаю — благодаря тебе. Боги жаждали перемен, и ты стал этой переменной. В наши первые дни я замечала множество знаков, но не придавала им значения. Первый — когда мы с твоим отцом, лежа ночью голыми в его пикапе в долине Вайпио, увидели призраков древних воинов.

В Вайпио мы поехали в пятницу, *пау хана***, сидеть с твоим братом осталась тетя Кейеки, мы же с твоим отцом собирались воспользоваться этой ночью без

* Так на Гавайях называют иностранцев (буквально — “белые”). —
Здесь и далее примеч. перев.

** После работы, закончив дела.

детей, чтобы натрахаться до одури, при одной лишь мысли об этом нас словно било током. Да и могло ли быть иначе? Солнце растерло нам кожу до черноты, футбол укрепил мускулы твоего отца, мои — баскетбол, и каждый наш день был привычно пронизан страстью. И представь долину Вайпио: поросшая буйной зеленью глубокая расселина, разрезанная зеркальной серебристо-бурой рекой, а за ней — широкий черный песчаный пляж, сбегаящий к пенному океану.

Мы медленно спускались в раздолбанном отцовском пикапе на дно долины, петляли по серпантину, справа отвесная скала, под колесами — асфальт, уложенный на булыжник, уклон такой крутой, что салон провонял горящими тормозными колодками. Потом тряслись по илу, объезжая мутные лужи глубиной по пояс, наконец выехали на песок, остановили пикап у окаймляющих пляж рябых в крапинку камней, похожих на яйца; твой отец шутил, пока у меня от смеха не закололо щеки и последние тени деревьев не вытянулись к горизонту. Океан рокотал и шипел. Мы раскатали спальники в кузове, поверх пахнущего гравием туристического коврика, который твой отец постелил специально для меня, и едва ушли последние подростки — гулкое басовое уханье их регги стихло в лесу, — мы сняли одежду и сделали тебя.

Вряд ли ты слышишь мои мысли — нет, конечно, а потому и не скажешь, мол, фу, *тилау**, мне же нравится вспоминать. Твой отец взял меня за волосы, он

* Здесь: гадость.

любил мои волосы, черные, перекрученные Гавайями, мое тело извивалось в такт движениям его бедер, мы стонали, учащенно дышали, прижимались друг к другу плоскими носами, потом я отпрянула, оседлала его, и все началось сначала, кожа наша до того раскалилась, вот бы приберечь этот жар на случай, если озябну, его пальцы гладили мою шею, его язык ласкал мои коричневые соски, он был нежен, никто, кроме меня, не знал его таким, мы шумно занимались сексом, смеялись, закрывали, открывали, снова закрывали глаза, день лишился последнего света, а мы все не унимались.

Мы лежали на спальниках, ветерок мятно охлаждал влажную кожу, как вдруг твой отец нахмурился и отодвинулся от меня.

— Ты это видишь? — спросил он.

Уж не знаю, что ему примерещилось, — я еще была как в тумане, потирала друг о друга дрожащие бедра, размазывая по ногам остатки маслянистого выплеска нашей любви, — но тут твой отец резко сел. Я встала на колени, после секса по-прежнему как пьяная. Мои груди коснулись его левой руки, мои волосы упали ему на плечо, я чувствовала себя желанной, несмотря на испуг, мне захотелось засунуть его в себя, прямо здесь и сейчас, и плевать на опасность.

— Смотри, — прошептал он.

— Да ладно тебе, — ответила я. — Не выдумывай, лоло*.

— Смотри, — повторил он, я всмотрелась и рывком выпрямилась.

* Здесь: дурачок.

По гребню дальнего холма Вайпио, то опускаясь, то поднимаясь, неспешно тянулась цепочка дрожащих огоньков. Зеленые, белые, мерцающие, штук пятьдесят, не меньше, и мы, приглядевшись, поняли, что это. Горящие факелы. Мы слышали о ночных маршах древних воинов, но всегда считали эти истории мифом, своего рода гимном тому, чего лишились Гавайи, — и вот все эти призраки давно погибших *алии** перед нами. Медленно взбираются на холм, направляясь вглубь черной долины, в сырость и мрак, к тому, что ждет там неупокоенных королей. Вереница факелов ползла по вершине холма, то появляясь, то исчезая меж деревьев, ныряя и снова взлетая, пока все огни вдруг разом не погасли.

Громкий скрипучий стон эхом прокатился по долине, окутал нас; так, должно быть, кричат перед смертью киты, подумала я.

Слова застыли у нас с отцом в горле. Мы выскочили из кузова, лихорадочно натянули одежду, прыгая на одной ноге, к подошвам прилип черный песок, задыхаясь, шмыгнули в машину, завели мотор и с ревом понеслись по дороге, фары выхватывали из темноты камни, грязные лужи, сочные зеленые листья; мы каждую минуту чувствовали, что призраки в воздухе позади нас, вокруг нас, мы не видели их, но все равно ощущали. Пикап мчался по изрезанному колеями гудрону, в лобовом стекле мелькали деревья, небо и снова грязь, трясло нас ужасно, то вверх, то вниз, вокруг все сине-черное — кроме того, что освещали фары, — твой отец лавировал меж при-

* Члены знатных гавайских родов.

таившихся неведомых теней, неся по длинной дороге к выезду из долины. Мы поднялись так стремительно, что ничего не видели под собой, лишь вдали маячила россыпь огоньков в домах да белели затопленные участки, на которых выращивают таро.

Остановились мы лишь на обзорной площадке. Пикап переполняла паника, все механизмы работали на износ.

— Господа бога душу мать, — протяжно выдохнул твой отец.

Давненько он не поминал святых. Факелы исчезли, а с ними и призраки воинов. Кровь пульсировала у нас в ушах, стучала: живы, живы, живы.

Всякое бывает, годами твердили мы с твоим отцом. В конце концов, на Гавайях многие такое видели. Мы еще долго рассказывали о пережитом на манер *каникапила** на пляжных барбекю и вечеринках в *лани*** и слышали в ответ множество схожих историй.

Ночное шествие древних воинов — ты был зачат в ту ночь, но в первые годы твоей жизни случались и не такие странности. Например, то, как менялись в твоём присутствии звери: присмиреют, обнюхают тебя, окружают, как одного из своих, и неважно, курицы это, лошади или козы, — все принимали тебя мгновенно и навсегда. Порой мы заставляли тебя на заднем дворе: ты как одержимый ел листья, землю, цветы. И не

* Спонтанная музыкальная импровизация на семейных или дружеских посиделках.

** Патио или веранда.